

А. Б. КРАСНОГЛАЗОВ

Великий современник (У. Черчилль)

<Фрагмент>

В свои двадцать шесть лет Черчилль стал одним из наиболее известных людей Великобритании благодаря побегу из бурского плена. Как раз в это время были названы выборы в английский парламент. По крайней мере двенадцать избирательных округов хотели видеть Черчилля своим кандидатом. Но Уинстон пожелал вернуться в Олдэм, — туда, где на прошлых выборах он потерпел поражение. Его противниками и на этот раз были либералы Эммот и Рансайман.

На своем первом выступлении перед избирателями Олдэма Черчилль в деталях описал историю своего побега. Его рассказ вызвал шквал аплодисментов. А когда он упомянул имя Деуснепа, шахтера из Олдэма, помогавшего ему бежать, толпа заревела: «Его жена здесь!» Всеобщее возбуждение было неопишимо. Юноши носили на груди лены с надписью: «Благослови, Бог, Черчилля, самого выдающегося героя Англии!»

Избирательная компания была очень напряженной. За два месяца Черчилль сделал более ста пятидесяти докладов. В его поддержку выступал сам Джо Чемберлен. Однако, несмотря на это, Черчилль выиграл у своих конкурентов с минимальной разницей. Либерал Эммот набрал 12947 голосов, а Черчилль только на 16 больше. Но как бы то ни было, 11 октября 1900 г. Уинстон был впервые выбран в парламент. Поздравлениям не было конца. Его прозвали «Неистовый».

Для того чтобы поправить свои финансовые дела (он был отнюдь не беден, но политическая карьера требовала значительных средств), Уинстон совершил два турне с лекциями о своих

обещаниях — по Англии и США. Подробности этих поездок хорошо известны, единственное, что можно к ним добавить, так это информацию о том, что презентацию Уинстона в Америке проводил сам Марк Твен¹.

Как мы уже писали, Черчилля называли «великим спешащим молодым человеком» («торопыгой», сказали бы у нас, по-русски), и сам Уинстон не упускал случая подтвердить такую репутацию. Обычно новый член парламента выступает со своей первой речью не ранее чем через год после вступления в должность. Но Черчилль не был бы «великим и «очень спешащим», если бы не произнес своего первого спича через три дня после открытия сессии.

Его дебют был подобен спектаклю. В парламенте в этот день обсуждали вопросы бурской войны, выступал такой же молодой и такой же честолюбивый, как и Уинстон, политик (правда, либерал) Ллойд Джордж. Кстати, как и Черчилль, он станет премьер-министром, только раньше — в 1916 г.

Дэвид Ллойд Джордж говорил напористо и эмоционально, а в это время новоиспеченный член парламента нетерпеливо ерзал на своем месте, ожидая окончания доклада. Позже Черчилль напишет об этом так: «Я строил про себя фразу за фразой... Каждая из этих несчастных, казалось, превращалась... в нечто безжизненное. Чувство тревоги и даже отчаяния охватило меня». Вдруг Ллойд Джордж неожиданно сказал: «Я сокращаю свои рассуждения, потому что я уверен, что палата желает послушать своего нового члена». И хотя Черчилль выучил свой доклад наизусть, на первых словах он запнулся. Как и следовало ожидать мнение «великого и спешащего» разошлось с политической линией его партии. «Я говорил пространно, я знаю это, но не ради себя, а ради светлой памяти моего родителя, которую хранят многие из вас, уважаемые члены парламента», — закончил свою речь Черчилль.

Она была принята очень тепло. «Замечательно», заметил Чемберлен, а глаза либералов Герберг Асквит определил речь как «интересную и красноречивую». Близорукий же военный министр Вильям Бродрик² решил, что выступал сам Рандольф Черчилль, а не его сын.

После доклада Черчилля представили Ллойд Джорджу. «Вы идете против течения», — сказал либерал.

В последующие месяцы Черчилль часто выступал в парламенте. Собственных идей и мнений он не имел. Уинстон ис-

пытывал на себе два мощных влияния. «Главное и наиболее могущественное влияние в первые годы моей жизни, — скажет он позже — вне всяких сомнений оказал мой отец... Мои политические идеи были унаследованы от него. Я представлял себе, что он владел тайнами ораторского искусства и политической деятельности».

Вторым человеком по знанию был для начинающего государственного деятеля сер Френсис Моват — друг его отца.

Уинстон перенял не только политические идеи своего отца, но стиль его поведения в парламенте. Биограф Черчилля Е. Б. Роберте пишет: «У Черчилля-младшего были также большие глаза и широкий лоб, как и у его предка, та же привычка откидывать голову назад и гомерически смеяться над любой вещью, которая его развлекала. Та же самая манера... растирать рукой левую сторону груди, как если бы у него болело сердце наклоняться вперед, чтобы лучше слышать то, что говорят, очень быстро прохаживаться в коридоре, сутулясь и размахивая шляпой. Как если бы это была трость даже его голос, резонирующий и немного резкий, напоминал лорда Рандольфа».

У такого человека, как Черчилль, предназначившего себя для великой карьеры, было два пути к славе: завоевать авторитет и лидерство в консервативной партии или же сменить вывеску и перейти к либералам. А так как своих убеждений Уинстон никогда не имел, да и времени пробивать их у него не было (слишком спешил), то он выбрал второй путь — ренегатство.

Это произошло не за один день. Атмосфера накалялась постепенно. Пик же пришелся на март 190 года. Черчилль встал, чтобы произнести речь, но премьер-министр консерватор Артур Бальфур³ демонстративно вышел из зала. Чуть позже шумно покинули зал остальные консерваторы — члены парламента. Причем, пока они продвигались к выходу, Черчилль все же начал говорить, но они заглушили его выкриками. Олэдэм, избирательный округ Черчилля, отверг его.

Черчилль у либералов! Это была фантастическая новость.

Каких только прозвищ и эпитетов в свой адрес не услышал бывший почетный заключенный и будущий премьер-министр! Именно тогда герой бурской войны приобрел довольно мягкое среди многих прочих, прозвище Бленхеймская Крыса.

В январе 1906 г. состоялись выборы, на которых победили либералы. Черчилль баллотировался в Манчестере, где его под-

держивала сильная еврейская община. В свое время при обсуждении вопросов об эмиграции в Англию был представлен проект, который имел сильный антисемитский уклон. Черчилль же выступил против ряда положений проекта. После этого у будущего премьера завязались довольно тесные отношения с Натаном Ласки, президентом еврейской конгрегации в Манчестере. Это было в 1903 г. Уинстон выступал в Манчестере на митинге против еврейских погромов. И вот теперь, во время избирательной кампании, поддержка еврейской общины оказала Черчиллю значительную помощь. «Натан Ласки заявил: “Любой еврей, который голосует против Черчилля, является предателем общего дела еврейства”», — пишет один из биографов английского премьера.

Казалось, что все шло хорошо. Но вдруг в разгар соевей избирательной кампании Уинстону снова пришлось столкнуться со своим старым врагом — женщинами. На этот раз это были суфражистки — дамы, борющиеся за предоставление избирательных прав женщинам. «В лице Уинстона Черчилля либеральное правительство получило всю тяжесть женской оппозиции», — горячо заявила лидер суфражисток Сильвия Панкхерст.

Женщины буквально преследовали героя англо-бурской войны и будущего премьер-министра. Их сумасбродства доставляли столько беспокойства, что даже Джейсон-Ник, консервативный кандидат и противник Уинстона по избирательному округу, кстати, довольно мирный человек, попросил дам немножечко обуздать свой пыл.

Однако, несмотря на эти помехи, Черчилль успешно провел кампанию и получил место в парламенте, уже в качестве либерала. В новом правительстве Черчилль занял пост заместителя министра по делам колоний.

Центральным политическим вопросом в то время была проблема Южной Африки, побежденных буров. Черчиллю, выступавшему за предоставление им самоуправления, удалось провести через парламент это решение. В результате Луис Бота, в свое время взявший в плен теперешнего борца за бурские права, превратился в премьер-министра Трансвааля. Когда он приехал в конце 1909 г. в Лондон на конференцию премьер-министров стран-доминионов (самоуправляющихся колоний) Британской империи, он был чрезвычайно рад возможности возобновить переговоры со своим бывшим арестантом, повествует Эдгар Блэк.

Незадолго до выборов 1906 г. была опубликована биография Рандольфа Черчилля, написанная его сыном. Как пишет Блэу, это была блестящая литературная работа. Черчилль-младший очень четко обрисовал всех видных политических деятелей той эпохи, сейчас уже сошедших со сцены. Кроме того, Уинстон, верный своей страсти к вычурности и экстравагантности, «разукрасил книгу заголовками, извлеченным из самых недр мировой литературы, включая даже греческую, которые, надо думать, были выполнены кем-либо из его друзей», — подзревает Блэк.

Было у героя англо-бурской войны и одно затруднение при работе над книгой. Дело в том, что к этому моменту Черчилль стал либералом, его же отец как-то заявил, что «никакая сила на земле не заставит его перейти из одного политического лагеря в другой». Однако смекалки юному политику было не занимать, и он отлично вышел из этого щекотливого положения.

Уинстон изобразил лорда Рандольфа человеком, безуспешно боровшимся против факторов, разрушающих тори изнутри. Однако это борьба за единство партии, напротив, уничтожила самого лорда Рандольфа. Вывод был ясен: если бы он был жив, он перешел бы к либералам. На восьмистах страницах Уинстон мстил тори за неудавшуюся карьеру своего отца.

В течение первых лет в качестве либерального деятеля Черчилль удивительно быстро отошел от своих прежних, консервативных, точек зрения. Он постепенно отдалялся от своих старых друзей, двигаясь все левее и левее, до тех пор, пока бок о бок не оказался с Дэвидом Ллойд Джорджем. Все те реформы, которые раньше отвергались Черчиллем, теперь принимались им с очевидным одобрением. Он всегда принимал ту точку зрения, которая позволяла находиться в доминирующем положении», — пишет Блэк.

Поэтому вполне естественно, что преуспевающий молодой политик был призван флюгером. В ответ на это Уинстон говорил: «Я согласен с тем, что я перебежал из одной партии в другую. Я этого не отрицаю. Я горжусь этим. Когда я думаю обо всех тех страданиях, которые лорду Рандольфу причинила консервативная партия, и о той неблагодарности, которую получил он после прихода тори к власти, которой без его помощи они бы и не добились, так вот, когда я думаю обо всем этом, я чувствую себя счастливым оттого, что обстоятельства позволили мне по-

кинуть тори, пока я еще молод, и у меня есть силы, чтобы найти для этого достаточно повод».

В парламенте Черчилль не только одерживал победы, но и терпел поражения. После одного из них, в период относительно спокойной парламентской обстановки, Уинстон совершает путешествие в Уганду, которое позже опишет в книге «Мое путешествие в Восточную Африку».

Во время этой поездки он доставил сопровождавшим его немало хлопот. Он категорически не желал слушать предостережения проводников и потому постоянно попадал в скверные истории. Так, когда ему указали на полчища все пожирающих, вечно голодных муравьев и предупредили, что от них надо держаться подальше, Уинстон Черчилль не замедлил пойти им навстречу, споткнулся, упал и его чуть не сожрали африканские твари. В районах, буквально кишачих львами, незадачливый путешественник проявил особый интерес к бабочкам и носился за ними, вооруженный только сачком. Путешествуя по Нилу, любитель острых ощущений решил залезть на бревно и, подплыв на нем к крокодилам, сфотографировать рептилий. После долгих дебатов его убедили все-таки отказаться от заманчивого мероприятия, лишив тем самым Черчилля фотографий крокодилов, а крокодилов лакомства — будущего премьера.

В начале 1908 г. Уинстон вернулся в Лондон. Премьер-министр Кэмпбелл Беннерман⁴ был болен и в марте подал в отставку, поэтому в правительстве произошли кое-какие перемещения. Премьером стал Герберт Асквит, а Ллойд Джордж занял пост № 2 — министра финансов. Что касается Черчилля, то он благодаря покровительству короля Эдуарда VII, занял место Ллойда Джорджа — пост министра торговли.

В те времена лица, получившие высокие должности в кабинете министров, были обязаны подтвердить свое право на них на специальных выборах в собственном избирательном округе. Поэтому Черчиллю пришлось провести внеочередные выборы в Манчестере. И это был удобный случай свести с ним счеты для тех, кто его не любил.

Манчестер — традиционно консервативный округ. И на выборах 1906 г. он стал либеральным лишь благодаря пожеланиям избирателей, выступающих за «свободную торговлю», т. е. торговлю беспопшлинную. А именно под этим лозунгом тогда и действовали либералы. Теперь же политическая ситуация ста-

билизировалась и округ должен был вернуться к своим прежним идеалам — консервативным.

За прошедшие два года Черчилль значительно «полевел» в своих суждениях, а суфражистки поднакопили сил и злобы против своего заклятого врага. После ряда вылазок воинствующих леди Черчилль взорвался: «Ничто меня не заставит голосовать в поддержку прав женщин. Я не допущу, чтобы группа дам навязывала мне свое решение в таких важных вопросах!» — цитирует его Э. Блэк.

Узнав, что суфражистки образовали живые цепи вокруг центральной площади с требованием предоставить им право голосовать, Черчилль взревел: «Что ж, на площади Святого Томаса можно очень хорошо расположиться. И я не сдвинусь отсюда до второго пришествия!»

Дважды Черчилль подвергался нападению разъяренных суфражисток. Один раз леди вооружились кнутами и собачьими поводками, в другой раз потомка великого Мальборо побили камнями. К счастью, в том и другом случае Уинстон отделался небольшими ушибами и синяками.

Старания поборниц женских прав все же принесли эффект: Черчилля «прокатили». Он получил 4.988 голосов, его же противник Джойсон-Ник — 5.517. Одна леди от избытка чувств, ухватив Уинстона за плечо, завизжала ему в ухо: «Это мы, это женщины провалили вас! Теперь вы должны понять, что нуждаетесь в нашей поддержке!» Что думал и чувствовал в тот момент человек, намеревающийся вписать свое имя в британскую историю, может легко себе представить.

Черчилль лишился места в парламенте. Консервативная «Морнинг пост» писала: «Сэр Джойсон-Ник стал представителем северо-западного Манчестера, и сэр Черчилль перестал быть членом Кабинета министров. Это неверный бродяга, достойный только жалости и сострадания. Манчестер освобожден от него».

Его судьба, как всегда опять проявила благосклонность к молодому честолюбцу. Как раз в это время депутат из Данди Эдмонд Робертсон перешел из Палаты общин⁵ в Палату лордов⁶, а освободившееся место было предложено Черчиллю.

Шотландский округ Данди был истинно либеральным, но Черчилль тем не менее зря не рисковал и не горячился.

Его противник был известен как яростный борец против алкоголя, и он призывал закрывать фабрики по производству спирта-

ного. Но любой человек, выступающий под такими лозунгами в Шотландии, был обречен на неуспех. Черчилль же, как пишет Э. Блэк, имел «очевидную склонность к алкоголю, который поднимает дух, и это принесло ему значительное количество голосов избирателей. И даже усиленные старания суфражисток не смогли повредить ему». Некая дама Мэлони всякий раз, как Черчилль произносил речь, начинала звонить в небольшой колокольчик. Подождав, пока она устанет, Черчилль, закуривая сигарету, заметил: «Я не собираюсь соревноваться с юной и прекрасной дамой, находящейся в состоянии повышенного возбуждения». Избиратели Данди слабо реагировали на сверх эмоциональные призыва суфражисток, и Черчилль, получив подавляющее большинство голосов, отправляется в Лондон, чтобы занять свое место в Палате общин.

В обществе все еще не было единого взгляда на политические убеждения Черчилля. После выборов в Данди газета «Дейли Ньюс»⁷ опубликовала небольшую статью, посвященную Черчиллю, в которой говорилось: «Что ждет его в будущем? В свои тридцать четыре года он является самой интересной политической фигурой. Его жизнь — сплошная цепь действий, его смелость — велика, его взгляд — ясен». Мне нравится Черчилль, и я доверяю ему, — сказал один из его коллег. — Он настоящий демократ, у него самая сильная тяга к демократии из всех людей, которых я когда-либо знал, но не надо забывать, тем не менее, что в нем все еще живет скрытый аристократ, однако он с нами, либералами. Хотя может случиться, что оба внутренних «я» Черчилля — аристократ и демократ — столкнутся, и я не возьму на себя смелость предсказать тогда исход этого тяжелого конфликта».

«Велики ли его потенции? — задавала вопрос газета — Сможет ли он, так жадно поглощающий жизнь выдержать этот ритм до победного конца? Как встретит он свои сорок лет? Эти фатальные сорок, когда сходит с глаз розовая пелена молодости, уступая дорогу реально существующей прозе жизни. Вот вопрос, который требует размышления. Потому что сер Черчилль обладающий незаурядными способностями, относится к категории “везучих людей”. Он любит рисковать. Он преследует политическую деятельность, как гончая... для него неважно, кто станет его врагом, его добычей, главное — это находиться в центре борьбы и весело проводить время. Черчилль обходится с либерализмом удивительно уверенно и с поразительной сноровкой придает ему

любую форму. Но за этой свирепой радостью борьбы в нем все еще не видно высокой степени ответственности за происходящее».

В своей новой должности Черчилль принялся трудиться с присущей ему энергией. Он работал до поздней ночи, считая, что обязан лично входить во все детали британской торговли. Он посетил Ньюкастл, где был снова атакован неугомонными поборниками женских прав, стал изучать функционирование различных торговых компаний, вникать во все тонкости коммерции и производства.

В сентябре 1908 г. Уинстон Черчилль делает паузу в своей многообразной деятельности. Решив, что пришла пора обзавестись семьей, он ищет себе супругу. Его холостяцкий рейтинг был очень высок, он был одним из самых завидных женихов Великобритании, во всяком случае до своего бегства из рядов консерваторов после чего среди состоятельных семейств его акции понизились. Уинстон занимал холостяцкую квартиру в модном районе Мэйфер, где жил вместе со своим братом Джоном, биржевым маклером. В свободное время Уинстон развлекался игрой в поло, в котором он был большим мастером, и в гольф, где он им не был.

«Частый гость в домах аристократов, Черчилль мог сделать себе блестящую партию, но он был слишком занят соевой карьерой, чтобы позволить себе роскошь влюбиться», — пишет Э. Блэк.

Один из друзей Черчилля Джордж Смели, описывая его турне по Америке в 1900 г. сказал: «У Черчилля было очень много знакомых. Но он садился среди наиболее веселых людей и глубоко погружался в какие-то свои размышления. Он не восхищался женщинами, которые ждали восхищения: они, видимо, не только должны были быть красивыми и умными, но обладать той особой красотой и умом, которые привлекали его внимание. В противном случае он пребывал в интеллигентном молчании».

Все изменила Клементина Хозье⁸, 23 лет. Черчилль познакомился с ней во время соевой избирательной кампании в Данди.

Родители будущей жены Черчилля были яростными либералами, и Клементина, редкая красавица, проявляла явный интерес к политике. Она оказалась блестящей партией для Уинстона Черчилля.

Их свадьба была самым значительным событием сезона в Лондоне. Церемония проходила в знаменитой аристократической церкви Святой Маргариты, рядом с Вестминстерским аббатством — усыпальницей английских королей, государственных

деятелей и знаменитых людей, таких, как Ньютон, Дарвин, Диккенс и многие другие.

Посаженым отцом на свадьбе Черчилля был его старший товарищ Хью Сесиль, свидетелем — Ллойд Джорж, а почетными гостями — Джозеф Чемберлен, бывший министр, прозванный «Великим Джо», и Артур Бальфур, — бывший премьер-министр Великобритании. Оба — консерваторы. Все было очень красиво, вот только жених, никогда, кстати, не отличавшийся эlegantностью и тонким вкусом, умудрился надеть коричневые ботинки.

Один из приглашенных позже писал: «Невеста была такая же бледная, как и жених. И, хотя Черчилль выглядел лучше, чем в последний раз, когда я его видел, лицо его было некрасиво, но значительно». Друг семьи лорд Розбэри считал, что этот брак не продлится более шести месяцев.

Первую часть медового месяца молодожены провели в родовом замке герцогов Мальборо — Бленхейме, а затем отправились на озеро Маджори в Италии. Вернувшись в Лондон, молодая чета разместилась в скромном домике. Биография лорда Рандольфа, написанная Черчиллем, принесла молодым 30 000 долларов. Однако твердого финансового положения ни Уинстон, ни его жена не имели. Этот недостаток средств будет преследовать их довольно долго.

Тем не менее молодой политик вел себя в этот период так, словно обладал всеми сокровищами английской империи: ел деликатесы, пил дорогие вина и коньяки, курил шикарные сигары. А так как он отказывался менять свои роскошные привычки, то все заботы по семейному бюджету легли на плечи Клементины. Молодая жена будущего премьера была вынуждена торговаться со слугами и продавцами, чтобы как-то сэкономить. Так продолжалось до начала 30-х годов, когда доходы от литературных трудов позволили жить Черчиллям на «широкую ногу», чего глава семьи так страстно желал.

В целом брак был необыкновенно удачным и почти на пятьдесят лет дал обильную пищу для сплетен.

От брака Черчилля и Клементины Хозье родилось пятеро детей: в 1909 г. Диана («самая красивая из красавиц, — сказал Уинстону Ллойд Джордж, — это моя копия»). Затем Рандольф — в 1911 г., Сара — в 1914 г., Мэриголд — в 1918 г. (она умерла в детстве), и Мэри, которая появилась на свет в 1922 г.

Несмотря на то что чета Черчиллей не была подвергнута остракизму, как отец Уинстона — лорд Рандольф, тем не менее, ни он,

ни она не были приняты слишком радушно. Бабушка Черчилля, герцогиня Мальборо, публично назвала своего внука «маленьким позером». Она чрезвычайно боялась, что он унаследует титул, если вдруг у его двоюродного брата, наследного герцога Мальборо, не будет сына. Супругу же Уинстона, рожденную и выращенную либералами, холодность консервативного «цвета общества» нимало не волновало. Так, когда двоюродный брат ее мужа герцог Мальборо недостаточно уважительно высказался о либеральном премьер-министре Асквите, Клементина на несколько месяцев объявила ему бойкот.

С 1908 по 1911 г. Черчилль и Ллойд Джордж (он на 11 лет старше Уинстона) были одним из центральных фигур на политической арене Великобритании. Они были хорошими друзьями, исповедовали одни и те же политические идеалы, и оба были реальными претендентами на кресло премьер-министра.

Известная карикатура Макса Беербоба изображает их обоих, стоящих перед Палатой Общин. Черчилль говорит: «Пойдем, Дэви, испытаем судьбу». А Ллойд Джордж отвечает: «Но, Уинни, кто из нас удовольствуется результатом?».

Между тем Черчилль продолжал успешно прокладывать себе дорогу к заветному креслу премьера: он переместился в кресло министра внутренних дел. Как и на всех предыдущих постах, потомок великого Мальборо развил здесь бурную деятельность. Особое внимание министра привлекали заключенные тюрем, в которых он распорядился организовать библиотеки и снабжать арестантов развлекательным чтивом. «Самый ужасный момент моей жизни — плен. Я ненавижу каждую минуту моего заключения. Поэтому, когда я был министром внутренних дел и в моем подчинении находились все тюрьмы Англии, я делал все от меня зависящее, согласуюсь с общественным мнением, чтобы внести хоть какие-то улучшения и снисхождение в жизни заключенных», — писал об этих нововведениях сам Черчилль. По этим же соображениям он использовал свою власть и добился замены смертного приговора на заключение, чем судьи были чаще всего недовольны.

Подчас благородные дела министра приобретали комический характер. Так, например, широкую известность приобрело событие 1911 г., получившее название «Случай с дартмутским пастухом».

Этот пастух был родом из Уэльса и всю свою жизнь с раннего детства провел в тюрьме за воровство. Его где-то нашел Ллойд

Джордж, а Черчилль объявив пастуха несчастной жертвой «феодалной системы», приказал освободить его. Все это сопровождалось выражением горячей симпатии общественности к заключенному и одобрением действий министра. Уинстон нашел этому «джентльмену» работу. Однако сей «страдалец» оставил ее через несколько же дней и, прихватив с собой машинку для стрижки газонов, продал ее и приобрел необходимые для «работы» инструменты. После того как он ограбил близлежащую виллу, «пастух» был схвачен и возвращен на прежнее «место жительства». Гуманный же министр внутренних дел был безжалостно осмеян.

В январе 1911 г. с незадачливым министром произошел еще один случай, названный современниками «Местечко на Сидней-стрит». Группа русских анархистов под предводительством Якоба Петерса, больше известного как «Питер-художник», ограбила ювелирный магазин и при попытке скрыться убила трех полицейских. Через некоторое время Черчилль получил известие, что шайка находится в доме на улице Сидней. Прошел слух, что бандиты хорошо вооружены, что у них есть даже самодельные бомбы. Несколько сот полицейских окружили дом. Собралась огромная толпа зевак.

Черчилль сопровождаемый начальниками разных уровней, приехали на место и взял руководство операцией в свои руки. Одетый в плащ, с цилиндром на голове, министр яростно жестикулировал и выкрикивал инструкции осаждавшим дом полицейским. Затем, посчитав, что собранных сил для решительного штурма недостаточно, он приказал послать за Шотландской Гвардией, которая почти девяносто лет не участвовала в подобных мероприятиях. Но мало того — он привлек к осаде легкую артиллерию и всерьез задумал послать за военными спецами, если того требует операция.

Вследствие сильного обстрела дом загорелся. Когда же огонь утих, под обгоревшими обломками здания нашли два тела, но ни одно из них не было «Питером-художником». Иными словами, главному преступнику удалось бежать среди поднятой ретивым министром сумятицы.

Над Черчиллем потешались все. Он превратился в шута городского. Шотландская Гвардия? Пушки? Да ради чего весь этот огород? Король был разъярен «геройством» Черчилля. Те, кто не слишком симпатизировал министру, засомневались в нем

еще больше. «Ты перепутал чашечку кофе с революцией», — дразнил его один из его коллег. Другой, вернувшись в Лондон и узнав о деяниях Уинстона, спросил его: «Какого черта ты там делал?» — «Да брось, Чарли, было так весело», — ответил «герой Сидней-стрит».

Приближалась первая мировая война. Для подготовки армии к военным действиям требовался решительный человек. Премьер-министр Асквит предложил Уинстону занять пост первого лорда адмиралтейства, т. е. военно-морского министра. Несколько лет назад Черчиллю уже предлагали эту должность, но тогда он отказался. Сейчас же, в преддверии войны, когда запахло «жареным» и военными лаврами, «лихой вояка» согласился не раздумывая.

Итак, в октябре 1911 г. Уинстон перешел в адмиралтейство, а военно-морской министр Маккена принял Министерство внутренних дел. Черчиллю было 37 лет, и один из виднейших либеральных деятелей Эдвард Грей⁹ заметил по поводу его назначения на новый пост:

«Очень скоро, благодаря ясному уму, Уинстон окажется неспособным занимать какое-либо другое место, кроме кресла премьер-министра».

И в этой должности Черчилль начал интенсивно развивать, модернизировать и усовершенствовать вооруженные силы Англии. Как первый лорд адмиралтейства он наибольшее внимание уделил военно-морскому флоту Великобритании в то время самому сильному в мире. Министр, однако, не оставлял без внимания и новейшие виды техники. Так, именно ему принадлежит идея создания танка — грозного оружия этой и последующих войн.

Тогда никто не предполагал, что менее чем через три года Черчилля уберут из адмиралтейства, а еще через несколько месяцев и их военного кабинета, что он утратит не только влияние, но и власть.

